

ОПАСНАЯ

Скандала не получилось. Немного-численная публика спектакля «Землянка», осуществленного группой «Школарусского самозванства» по пьесе Владимира Сорокина, состояла из собратьев Сорокина по группе ВПС (Врофеев, Пригов, Сорокин), а также - друзей и поклонников актеров. Для пожилых дам, случайно пришедших в театр на Таганке, спектакль был поводом сладко поспать. Даже вполне матерный язык их не шокировал. Одна из них на мой вопрос: «Почему?» сказала: «А я не поняла, чего это они ругаться стали? Ведь так хорошо говорили - с подсьемом, с выражением.»

Отсутствие скандала - это, прежде всего, отсутствие социального заказа на скандал. Он вспыхивает там, где публика готова вспыхнуть. Публика стала терпимее или болевые точки переместились в другие места. Лет семь назад на первом фестивале «Творческих мастерских» режиссер Саша Тихий и художник Жак показали спектакль «Школарусского самозванства» - вот это был скандал! Под торжественное чтение глобального мартиролога («Умерли все на «А» - Анаксимандр, Анаксагор, Аристотель, Агамемнон, Ахматова - короче, умерли все греки. Умерли все на «Б» - Брюллов, Брюсов, Бунин, Бакст, Блок - короче, умерли все русские...») обмывали тело обнаженного муж-чины.

Дамы в партере кричали и, громко хлопая дверьми, уходили. Саша Тихий давно уехал из России. Творческих мастерских больше не существует, а последовательный и упрямый Жак продолжает ставить рус-

ских концептуалистов.

Его «Землянка» - спектакль тихий, совсем на скандал не рассчитанный. Он переводит на язык театра явные, которому отечественные критики дали название «новая

ШКОЛА

русская проза». Между тем, в прозе (не говоря уж о пьесах) Сорокин предельно театрален, его язык как бы вождствует акустического и зрелищного воплощения.

Безумие самостийного языка, который тычется в тугую натянутую пленку литературного мусора в надежде прорваться, - единственное, что увлекает автора. В его последней книжке «Норма» нищеванствующий язык сходит с ума и застывает на трех страничках бесконечно повторяющейся буквой «а». Вы скажете: «Ну и тоска, должно быть, читать». А я отвечаю: «Читать, может, и тоска, а следить за этим разворачивающимся на плоскости театром - бесконечно любопытно.»

Жак перенес бумажный театрик Сорокина в трехмерное пространство. Впрочем, трудно сказать, сколько мерное. В центре сцены - вырезанный из картона экран телевизора, где с трудом умещаются четыре солдата Отечества в войну. Язык в их устах кошунствует, пародирует лексику книжек и фильмов про войну, потом перебрасывается на большевистский идиолект, по всем правилам газетной передовицы выплывшая в пространство уже совершенно невероятные определения: «Полевая батарея по-гнилому», «Окопная война по-гнилому.»

Язык экспериментирует, мечется в тисках клишированных дискуссов, типов высказываний, речевых жанров, пародирует все и вся, всему на свете подражая. Мат, который со сладострастием используют создатели чернухи, здесь не отличается от прочих маскарадов языка. Язык - главный герой необычного спектакля. Это его карнавал. Слой за слоем натягивают актеры на отработанную поверхность целлофановую пленку,

СВОБОДЫ

и все труднее языку метаться в поисках собственной свободы.

Входит женщина в маске-смерть, или маящая возлюбленная, или пародия на то и другое одновременно. Мужики с китайской церемонностью пьют чай и читают газету: «Остатки неандертальцев найдены на территории Советского Союза». Ритуальная сосредоточенность и отрешенность, монтируясь с абсурдным языком идиолекта, создает напряженный эстетический диалог между пародией и медитацией.

Тексты Сорокина насквозь театральны. В них есть острейшая дистанция между языковыми правилами деградирующей культуры и микробом языковой свободы, который таится в речевом органе. Хаос, скрытый под тонкой пленкой идиолектов.

Жак перевел эту коллизию в чистую театральность. Актеры разыгрывают фантастическую драму о попавших в белое пространство непредсказуемости и свободы.

Алена КАРАСЬ

«ЛУ» - совместное производство

МК РФ, РосГосТеатрАгентства и

Австралийского Совета по культуре

Режиссёрка Елена Коренева по-прежнему хрупка, обаятельна и темпераментна. Ее героиня из монопоэсы австралийца Дэвида Джорджа - многоопытная в общении со знаменитыми философами-мужчинами. Под воздействием постановщика Евгения Каменьковича обе взаимно обещивают друг друга.

БЕЗ ЗЕРКАЛ -

Театр Современной пьесы

Драматург Николай Климонтович несколько подзабыл: заброшенные дачи и встречи с прошлым были введены в моду пьесами начала 70-х годов. Постановщик и главный режиссер театра тоже чуть подзадержался: красноречивые танцы и глядящие друг на друга через площадку зрители отсылают к концу тех же 70-х. Почему



актерская компания во главе с легендарной Ольгой Яковлевой оутлилась на этом «горбато Запорожье» - самая большая загадка представления.

СВАДЬБА. ЮБИЛЕЙ -

Театр-Центр Ермоловой

Чехов как предтеча абсурдистов - идея не новая, но всегда занимательная, а в точной режиссуре Алексея Левинского еще и забавная.

ЭРНАНИ - Станиславского муз.

Поют по-итальянски, играют по-русски - и ведь все получается!

БЕССТЫЖАЯ -

М.Брошная

Первая из серии «Идиота» Федора Достоевского в обработке Сергея Женовача длинна, подробна и розна. Главные персонажи в исполнении Сергея Тарамаева (Мышкин); Ирины Розановой (Настасья Филипповна) и Сергея Качанова (Рогожин) кажутся менее красочными своих второстепенных собратьев; Впрочем, надежда на следующие выпуски остается.

ПНР ПОБЕДИТЕЛЕЙ -

Малый

Победа режиссера Бориса Морозова и азартных лирицев во главе с Барминовым, Вочкаревым, Пряжким (назвать хотелось бы почти всех) над громоздкой и псевдо-стихотворной пьесой живого классика Солженицына досталась нелегко - празднество оттого растекается привольно (правда, лишь во второй части).